

Вновь учиться жить

Елена Рейн

16+

Елена Рейн

ВНОВЬ УЧИТЬСЯ ЖИТЬ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42626138

SelfPub; 2019

Аннотация

Беда не приходит одна. Латрова Ольга об этом знает, воспитывая дочь, от которой отказались муж и свекровь, считая инвалидом. Измена и предательство, смерть и обман врываются в её жизнь, не давая возможности дышать, погружая в невыносимый кошмар. Но светлая душа и лучик надежды не угасают в груди, и женщина верит в счастье, стремится к нему. Ради дочери Оля готова на многое: быть сильнее и принять условия незнакомого мужчины, вызывающего страх и желание. А что будет дальше, покажет судьба...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

Москва

Ольга с любовью смотрела на спящую дочь, с нежностью сжимая ее крохотную ручку. Ее принцессе полгода назад исполнилось два годика и этот счастливый праздник она не забудет никогда. Все потому, что как раз в этот день Алине сняли шину Виленского.

Женщина прикрыла глаза, вспоминая свой шок и ужас, когда у дочери обнаружили дисплазию (незрелость тазобедренного сустава у новорожденных). Этот диагноз держался до трех месяцев, а потом поставили новый диагноз: врожденный вывих и подвывих тазобедренных суставов, и малышка с трех до девяти месяцев была загипсована.

Материнское сердце до сих пор сжималось от воспоминаний, как проходили два первых дня, когда у Алины атрофировались мышцы после того, как ее загипсовали. Малышка плакала, не переставая, находясь только на руках. За 48 часов молодая мама скинула больше пяти килограмм, не выпуская ребенка из рук, не имея возможности сходить по своим надобностям. Хорошо, что приехала подруга из другого конца города и ненадолго меняла ее.

Котова, несмотря на свой категоричный и тяжелый харак-

тер, очень хорошо общалась с Ольгой, поддерживая и помогая в трудную минуту, не давая возможности отчаяться, опустить руки. Они подружились еще до замужества женщины, и общались до сих пор, не обращая внимания на презрение и ненависть супруга Латровой.

Владимир, стройный, высокий и красивый мужчина, не относился к категории любящих и заботливых мужей. Эгоист, считавший себя идеалом, важным и незаменимым стержнем их семейной ячейки. Он очень негативно отреагировал на диагноз дочери. Изменился в поведении по отношению к Ольге, не желая слушать о дополнительных расходах на частые специальные массажи, перинку Фрейка, используемую до трех месяцев, парафинотерапию и физиотерапевтические процедуры с кальцием. Кричал и ругался, слыша детский плач, категорично отказываясь возиться с больным ребенком, обвиняя жену в изъяде дочери.

Ольга по своей природе была очень нежной и доброй женщиной, где-то даже чересчур наивной, чем пользовались самые наглые в своих корыстных целях. Латрова всем сердцем верила в лучшее и безоговорочно доверяла близким людям, надеясь на взаимность. Женщина не умела ругаться, старалась всегда найти добрые слова для любого, и понять его по-ступки.

Терпела все, даже когда Владимир задерживался до полуночи на работе или спал у своей матери через два многоквартирных дома, крича, что ему нужно выспаться.

Ей было до боли обидно наблюдать за тем, как муж не желал общаться с дочерью, не в силах приласкать, обнять, а ребенок как никогда в этом нуждался. Мужчина с ехидством и обвинением оправдывался, что подойдет к ней только тогда, когда Алина будет здоровой. Отец девочки осознанно и показательно делал вид, что ее нет, категорически отказываясь остаться с ребенком, когда жена просила, желая выйти из дома за покупками или по своим делам.

Сейчас, когда сняли шину Виленского, и девочка была почти здорова, не считая коксартроза, Владимир все равно не желал видеть ее, впрочем, как и жену в последние месяцы хотя они изредка, но спали вместе.

Ольга не считала себя красавицей, но выглядела хорошо, хотя не помешало бы набрать вес. Русые густые волосы до плеч, широкий открытый лоб, красиво очерченный подбородок, прямой и изящный нос, светлая кожа, выразительные глаза темно-зеленого цвета, тонкая талия, стройное тело – внешние данные вызвали восхищение, притом, что молодой маме было некогда заниматься собой.

Несмотря на то что дочери с восьми месяцев оформили инвалидность, и теперь все расходы на лечение женщина оплачивала на эти деньги, средств катастрофически не хватало.

Муж работал механиком в мастерской, и всегда получал хорошо, особенно от левых заказов, но в последнее время он приходил ни с чем, жалуясь на скупого хозяина, обдира-

ющего его до нитки.

Свекровь, Латрова Наталья Андреевна, невзлюбила свою сноху с первого взгляда, и всячески пыталась ее унижить, утверждая, что она грязнуля, убогая и лоботряска. Последние полтора года она только об этом и говорила, открыто намекая, что Ольга со своим больным ребенком сидит на шее у ее сыночка. Внучку бабушка презирала, считая калекой. Как только Владимир обрадовал мать «замечательной новостью», она явилась к сыну домой, высказывая все, что думала о его жене и ее дочери, желая выкинуть нахлебников из своей квартиры, которую сдавала им. Латров не позволил, жалея испуганную женщину, прижимающую к себе бедное дитя.

Понимая, что выхода нет, Оля занялась шитьем на заказ: постельные комплекты и платья, что она особенно любила, ведь не зря считалась лучшей портнихой в элитном салоне столицы.

Муж, хвалил жену за помощь в семейном бюджете, и совсем перестал покупать продукты, все чаще не ночуя дома, придумывая поводы для ругани. Добившись желаемого, со злостью хлопал дверью и убегал. Утром приходил и просил прощения.

Женщина поправила одеялко и проверила комнату в поисках разбросанных вещей или игрушек, но ничего не нашла. Алина всегда убирала за собой, радуясь, когда мама ее хвалила. Осторожно поднявшись с кровати, Ольга вышла из

комнаты и прикрыла за собой дверь.

Поправив розы в напольной вазе, она тяжело вздохнула. Оля была взволнована и... напугана. Сегодня она хотела рассказать мужу о своей беременности.

Латрова даже не представляла, как так получилось, ведь они всегда предохранялись, что мужчина тщательно контролировал. Женщина откровенно боялась его подозрений, ведь муж очень сильно ревновал ее, пусть и нечасто сам проводил с ней время. А если подумает плохое...

Но факт есть факт, и уже четыре недели задержки. Ольга поняла это совсем недавно, соединив все симптомы: грудь набухла, по утрам тошнит, и месячные так и не пришли.

Латрова даже не задумывалась, что такое может произойти. Да с ее ритмом жизни – это неудивительно. Куда уж тут, когда спишь по три – четыре часа, чтобы все успеть по дому, поиграть и позаниматься с дочерью, а также выполнить заказы.

И вот теперь беременна... Денег на аборт у нее не было, а чтобы бесплатно, она, конечно, могла хотя переживала, что начнутся проблемы, ведь прописки у нее нет, но хотела вначале переговорить с мужем. В душе таилась маленькая мечта родить сына. Она знала, что сейчас в семье недопонимание и кризис, но все же надеялась, что это временные трудности и они скоро пройдут. Еще переживала, что с этим ребенком будет так же, как и с дочкой, хотя гинеколог уверяла, что от этого не застрахован никто.

Послышался звонок, и женщина улыбнулась, надеясь, что это муж. Рванула к двери и тут же открыв, увидела Наталью Андреевну.

– Добрый вечер, – пытаюсь выдавить улыбку, вежливо проговорила Ольга, не понимая, что злобной женщине нужно от них в такое время.

– Он только у лоботрясов добрый, а кто работал, такого не испытывает, – процедила Латрова и, войдя в комнату, сняла с себя тонкий плащ серебристого цвета и кинула снохе в руки.

Молодая женщина недовольно выдохнула и, повесив на плечики, определила верхнюю одежду в шкаф-купе. Она так не любила общаться со свекровью, что ее уже трясло от будущих унижений в свой адрес.

Если всех Ольга понимала, но свою свекровь нет. Мать Владимира без скромности была жестокой и злобной женщиной, и постоянно требовала огромного к себе уважения, в противном случае угрожала выгнать всех из своей квартиры. И если первое время девушка пыталась спокойно поговорить, спросить, чем же она так ей не угодила, то потом смирилась, слыша от мужа угрозы, что если кто пойдет отсюда, то это она и дочь.

Молодая женщина часто ругала себя за верную, нежную любовь к этому жестокому мужчине, ведь даже сейчас, когда в их семейной жизни огромная трещина, надеялась, что все будет хорошо. Несомненно, глупая, но она действительно-

но верила в лучшее.

Тем временем Наталья Андреевна с дотошной брезгливостью осматривала полки, проводя пальцем в поисках пыли. Ольга молча прошла в кухню и поставила чайник на газовую плиту, не желая слушать ее комментарии. Как бы чисто ни было дома, Латрова всегда находила к чему придраться.

– У тебя цветы подыхают, и можно лучше убираться в ванной. Надеюсь, завтра, когда будущие квартиранты придут смотреть квартиру, все будет нормально? – процедила сквозь зубы свекровь, доставая из сумки влажные салфетки и вытирая себе пальцы, кидая их на пол.

Ольга застыла с кружками в руках и тихо уточнила:

– Какие квартиранты? Мы... ведь здесь...

– Ненадолго, – буркнула Наталья Андреевна, и добавила: – И чай мне твой не нужен. Ты лучше свою швейную машинку да тряпки убери, а то устроила тут черти что.

Ничего не понимая, женщина поставила кружки на стол и осведомилась:

– Вы нас выгоняете?

– Да если бы все зависело от меня, я давно уже выкинула тебя отсюда, нищенку колхозную, – ядовито отчеканила она, пренебрежительно осматривая сноху, с первого взгляда невзлюбившую Ольгу с невероятной силой.

– Наталья Андреевна... – прохрипела молодая мама, пригладивая волосы, осознавая услышанное.

– И не смей мне тут грубить, а то и вещи собрать не дам.

В тот же миг возьмешь свою убогую дочку и на улицу отправишься. Там сегодня тепло, так что не замерзнете.

Женщина побледнела, вцепившись в край столешницы кухонного гарнитура, и с возмущением воскликнула:

– Алина не убогая! И с ней все сейчас хорошо. Она... ваша внучка! Как вы так можете говорить?!

– Внуки у меня должны быть все здоровые и от нормальной снохи, а ты... даже родить нормальную девку не смогла, не то, что пацана, – презрительно выдала она и, видя в глазах молодой женщины обиду и, возможно, ненависть, с довольной ухмылкой проговорила: – Ну? Что-то хочешь сказать? Говори, а я... послушаю... Так даже будет лучше... для меня...

Ольга посмотрела в противоположную сторону, и спросила:

– И когда вы хотите нас выгнать? Владимир знает, что вы его и...

– Сынок уже давно все знает, и ему не стоит волноваться, а вот тебе нужно подумать, где найти приют.

– Я не понимаю вас, – произнесла Ольга, чувствуя, как в груди все сжимается от страха за себя и маленькую дочку.

– Это твои проблемы. Можешь уматывать в свою далекую деревеньку, откуда выползла, там тебе будут ряды. Нас это уже не касается! Все, я пошла, а ты постарайся все тут убрать, а через несколько дней сдашь ключи. Поняла?

Ольга ничего не ответила, лишь кусала губы в кровь, не

замечая, как свекровь коварно улыбнулась и пошла на выход. Через секунды послышался щелчок закрываемой двери, и женщина села на стул, обхватив свои плечи дрожащими руками.

Мысли одна за другой кружились в голове. Но надежда зрела в груди, что муж все исправит, скажет, чтобы не волновалась, убедит, что они вновь поругались с матерью и ничего не случится. Он обязательно успокоит и прижмет к груди, ведь не может быть все так ужасно.

Ольга не знала, сколько так сидела, пока не услышала звук домофона, свидетельствующий о том, что пришел муж. Женщина не поднималась, сил совсем не было. Была опустошена и напугана. Ольга вновь и вновь повторяла ядовитые слова свекрови, пытаясь понять, почему она так сказала и правда ли это.

Светловолосый высокий мужчина худощавого телосложения вошел в кухню и сразу же недовольно рявкнул:

– Что, даже тяжело встретить? Лень встать со стула?

Оля невидящим взглядом смотрела на свои руки, желая сразу задать важные вопросы, но ей было очень тяжело это сделать. Сердце обливалось кровью от понимания, что разговор закончится не так, как она мечтает.

– Приходила... твоя мама – совсем тихо проговорила Ольга и, облизнув губы, пытаясь не разреветься, дрожащим голосом продолжила: – Она сказала, чтобы я с Алиной собирала вещи, и через несколько дней уходила отсюда. А у тебя

другая жизнь...

Как только произнесла слова, являющиеся приговором для нее, посмотрела в глаза любимому мужчине, читая в них неверие, возмущение и злость. Владимир лишь на секунду показал свои эмоции, а потом сделал обычное лицо и рывкнул:

– Вечно мама сует свой нос, когда ее не просят. Я ведь хотел по-хорошему.

Девушка перевела взгляд на рисунок, изображенный на скатерти, совсем не понимая, что именно на ней выбито, и тяжело задышала. Ее трясло от сегодняшних событий. Предательство рвало грудь, как будто в нее воткнули острый охотничий нож.

Выдохнула и тихим голосом уточнила:

– Что по-хорошему?

Мужчина лениво подошел к холодильнику и, достав банку пива из упаковки, что он обязательно всегда приносил в дом, открыл ее. Сделал хороший глоток и, усевшись на стул на другом конце стола, грубо выдал:

– Оль, давай только без истерик? Мы же взрослые люди. Мне тридцатка и тебе уже не 18, как-никак 27. Так давай разговаривать как взрослые люди! Между прочим, я устал, а ты даже жрать не предложила! Это ты отдыхаешь, а я деньги в дом добываю. Вот какая ты после этого жена? Никакая!

Женщина закрыла глаза, стараясь сдержать в груди крик души. Ей очень хотелось закричать, напомнить, что она ох

как давно нечего не видела, что он там добывает, но ухудшать сложившуюся ситуацию не стала.

Ольга молчала, всеми силами желая быть спокойной, но не получалось. Хотелось выть, чтобы выплеснуть ту боль, что испытывала, но держала в себе.

Желая услышать все, посмотрела мужу в глаза, взглядом требуя ответа.

– Да! – почти выкрикнул мужчина, подаваясь вперед, отчего стол немного сдвинулся к женщине. – У меня есть девушка! Пусть не такая красавица, как ты, но она любит меня. Боготворит и делает все, что я только не попрошу!

Ольга прижала ладонь к щеке, чувствуя поступающую тошноту, и тихо проговорила:

– А я... разве нет? Моей любви было мало? Что не так?

Латров нахмурился и раздраженно отчеканил:

– Ты... Знаю, что любишь. Но понимаешь, ты изменилась, как родила, стала совсем другой. Только и бегаешь с больной девочкой по больницам, да гуляешь на улице, сама вечно у плиты, моешь, гладишь, а ночью шьешь. Всегда с постоянными проблемами, волнениями в поисках денег. А я не хочу так! Не хочу! Мне нужно прийти домой, где все хорошо, нет проблем, где все с нетерпением ждут меня. Я хотел идеальную семью, а не замученную жену с больным ребенком.

– Но... – выдохнула женщина со слезами на глазах, даже не представляя, как в их ситуации по-другому, если он не помогает. – Я ведь и так все проблемы решаю сама. Ты...

Владимир резко поднялся со стула и закричал:

– Вот и решай дальше, а я не хочу! Мне вот это все дерьмо не нужно! Я хочу жить хорошо, праздной жизнью: жрать колбасу, ездить отдыхать, кататься на крутой тачке, чтобы все завидовали, но никак не тратиться на ребенка и помогать замученной жене.

– Но мы же хотели детей, ты сам говорил... – выкрикнула Оля, осознавая, что ее муж не тот, кого она так любила. Раньше он был совсем другой. Добивался ее, носил на руках и выполнял любые пожелания. Она была так счастлива, что, даже когда мужчина показал себя во всей красе после рождения ребенка, не обращала внимания, списывая на его усталость и нервы. Женщина так хотела быть счастливой...

– Это ты хотела! Мне бы еще пожить для себя, а ты скулила, что скоро стукнет 25, хотела рожать. А Вера так же, как и я, не хочет мучиться с детьми, да ей и рано. Она заканчивает в этом году институт, и мы с ней хотим съездить отдохнуть. Возможно, в июле. Как-никак я заслужил... после того, на что ты меня обрекла в этой проклятой семье.

Воздух ушел из легких, и стало совсем нечем дышать. Ольга прикрыла глаза и, не открывая, еле слышно просипела:

– А мы больше не нужны? Вот так просто? Нажился в браке и выкинул за дверь ненужную жену и дочь?

Мужчина хмыкнул и, отпив пива, воскликнул:

– А как ты хотела? Как? Ты вечно замученная, работаешь

всегда. Либо шьешь, либо жрать готовишь или с больным ребенком занимаешься. Да тебя даже жалко трахнуть! На полном серьезе. Боюсь, что развалишься. Посмотри на себя! Кости одни! О чем вообще можно говорить?! Как тут не найти нормальную девку?! За мужем нужно смотреть, баловать и переживать о его потребностях. Это ты виновата! Сама разрушила наш брак.

Девушка с ужасом и неверием посмотрела на мужчину, глотающего пиво, и проговорила:

– Если бы я не работала, то...

– Вот уж извини, почему я должен содержать вас? И вообще... это ты родила дочь больной, а значит, ее расходы – твои проблемы.

Не выдержав, женщина смахнула слезы, текущие по щекам, и дрожащим голосом уверено произнесла:

– Ты трус! Во всем...

Глава 2

В глазах мужчины загорелся красный огонь, и он в мгновение оказался около нее, ударив кулаком в лицо. Не ожидая такого внезапного нападения, Ольга упала на пол, задевая головой боковину холодильника. Не выдержав такой жестокости, громко разревелась, закрывая лицо руками, не желая повторения.

– Еще раз услышу, не так получишь. Поняла? – закричал Латров, задрожав от ярости, швыряя пустую банку в умывалку.

Ольга только кивнула, вжимаясь в угол, не зная, чего ожидать от мужа. Произошедшее до сих пор не укладывалось в голове.

– Дрянь! Кто ты такая, чтобы мне что-то говорить? Жила в роскошной трехкомнатной квартире на всем готовеньком, и еще что-то смеешь мне говорить? Паскуда!

Женщина закрывала рот ладонью, в первый раз слыша такие слова из уст мужа применительно к себе. Раньше Владимир не позволял себе такого, а сейчас...

Осторожно поднявшись, чувствуя огромную тяжесть внизу живота, женщина схватилась за живот. Мужчина, проследив за ее движением, рывкнул:

– Что притворяешься?! Я тебя там не задел! Не строй из

себя мученицу.

Ольга уверенно посмотрела ему в глаза и призналась:

– Я беременна.

Этой новости мужчина действительно удивился. Нет, он был в шоке. В считанные секунды сорвался к ней и, грубо схватив за волосы, чуть ли не выдирая их, прокричал:

– Тварь, ты с кем сношалась?

– Ни с кем! Ни с кем! – прохрипела женщина, чувствуя невероятную боль в голове. – Можешь делать что угодно. Тест... и другое... Я даже о таком и не думала! Ведь я считала, что у нас – семья. Хотела просить оставить ребенка. А ты...

Мужчина с ненавистью смотрел в глаза жены, понимая, что Ольга ни за что бы не изменила ему, но сам факт беременности его невероятно бесил. Как так вышло?! Разозлившись, он со злости толкнул женщину на кухонный гарнитур и проговорил:

– Деньги на аборт ищи сама, я не дам и копейки. А если додумаешься родить, будешь полной дурой. Хватит и того, что одного воспитывать в нищете придется. На алименты не рассчитывай. Дураков нет!

Высказав все, что думал, развернулся и пошел на выход, совсем не реагируя на горький плач женщины. Напротив, его раздражали ее всхлипы. Он хотел скорее убраться из этого места. К той, что его понимает всегда. Ее даже мать одобрила, заявив, что рада его выбору и поможет с разводом.

Вера сейчас в клубе, и он обещал ее забрать, рассчитывая, что они хорошо покувыркаются потом. Любимая девушка всегда готова ему дать в любом месте, главное, чтобы он захотел. А ему необходимо снять стресс после идиотки-жены с ее мерзкими новостями.

У двери задержался и грубо выдал:

– Так как у тебя прописки нет, я сам подам на развод. По поводу квартиры... с мамой решай. Я уже несколько месяцев живу с Верой в ее квартире. Прощай.

Мир замер. Тишину прерывали только непрерывное дыхание и всхлипы женщины. Ольга с лихорадочным страхом смотрела перед собой, не видя ничего, прислонившись к дверце кухонного гарнитура, дрожа всем телом. Ей было так плохо, что хотелось удавиться. Чувствовала в эту секунду себя как никогда ужасно.

Но как бы ни чувствовала себя, она знала, что ничего не сделает себе а, наоборот, будет вновь учиться жить. У нее есть ее маленькая девочка, нуждающаяся в ней. Алина – смысл ее жизни.

Боль в животе напомнила о зародившейся жизни в ее теле, и она лишь закусила губу, страшась того, на что судьба ее бросает. Но нет, сейчас она ничего не будет делать. Завтра, когда наступит новый день, она подумает об этом...

Через долгое время слез уже не выло. Лишь красные пятна на лице и припухлость под глазами говорили о ее состоянии. Заставив себя подняться, женщина побрела к дочери.

Проверив, что все нормально, Ольга тихо стояла у двери детской, думая о будущем. Отчаянье и страх терзали сознание. Она была в ужасе, прекрасно осознавая, что помощи ждать неоткуда. Оля вытерла выступившие слезы, закрывая ладонью рот, чтобы не разреветься, и вышла из комнаты.

Оказавшись в спальне, женщина без сил рухнула на кровать. Боль так и не проходила, что пугало. Через минуту Ольга отключилась, даже не сняв одежду.

Громкий звонок сотового телефона непрерывно трезвонил, а потом резко стих. Женщина поднялась, чувствуя, как тянет живот, разрываясь на части. Включила свет ночника и замерла на секунду, замечая кровавое пятно на бежевом покрывале.

Воздух вышел из легких, и ее сознание окутал страх. Ладони вспотели, и она только открывала рот, пытаясь здраво мыслить и действовать.

Всхлипнув, Ольга рефлекторно посмотрела на часы, отметив пять утра, и схватила старенький телефон, желая позвонить в скорую. Не успела даже набрать цифры, как вновь раздался звонок, высвечивая абонента – Наталью Андреевну. Сглотнув слюну в пересохшем горле, Латрова приняла вызов.

– Да... – еле слышно прохрипела она.

– Это ты! Ты виновата, что он разбился! Мой сынок... его больше нет! Ты... только ты довела его до смерти, – выла в трубку мать мужа. – Ненавижу тебя! Чтобы ты сдохла, под-

лая змея!

Шок, неверие отразились в глазах женщины и, чувствуя, что не держится на ногах, схватилась за шкаф, пытаясь удержаться. Сквозь пелену слыша проклятья свекрови, Ольга без сознания рухнула на пол.

Иванова Людмила Алексеевна встала очень рано. В шесть утра она всегда была на ногах. Не могла по-другому, привыкла в деревне к своему ритму жизни, а в городе до сих пор не могла перестроиться.

Уже год пожилая женщина жила в однокомнатной квартире, которую приобрели ей сын и дочь. Давно ей предлагали жить поблизости, настаивали на переезде, и наконец-то она согласилась, совсем обессилив в деревеньке. Бросила все: небольшой домик, огромный огород, сад и старика своего, алкаша спившегося.

Всю жизнь Людмила мучилась с ним, тянув двоих детей, не переставая драться с мужиком, когда начинал продавать вещи из дома. Было все в их семейной жизни. Ревела, угрожала, но в деревне свои законы. Терпела. Не жизнь, а каторга. Но как бы тяжело ни было, она вырастила детей, и сейчас гордилась ими. Сын лучший из лучших адвокатов в столице, дочь работает аудитором, разъезжая по стране с проверками. Дети перевезли ее, купив квартирку поблизости с домом Ва-

лентины, чтобы рядом была и с внучкой помогала.

Полноватая женщина встала с дивана и, сделав зарядку, направилась в ванную комнату. Через полчаса она сидела в кухне, попивая чай с зефиром в шоколаде, которые очень любила. Даниил ей всегда приносит, зная материнскую слабость. Сама она такие лакомства не покупала, пенсия не позволяла, но дети помогали, не принимая возмущений, забивая ее холодильник полностью продуктами, обеспечивая всем необходимым.

Через несколько часов Валя должна завести ей внучку, так как Дашеньке только в сентябре идти в сад, поэтому бабушка с радостью сидела с ней, гуляя до вечера, пока не забирали.

У сына пока не было детей, он недавно женился, и Людмила Алексеевна надеялась, что скоро и они порадуют ее внучками.

Решив приготовить пирог с курицей и картошкой, достала слоеное тело их холодильника, чтобы отошло. Обработав специями курицу, разрежала тонкими слоями, и направилась в тамбур за овощами. Только положила несколько картофелин в миску, как услышала детский плач, скорее истерику.

Замерев, Людмила стала прислушиваться и, не выдержав, подошла ближе к соседской квартире, собираясь постучать. Только прислонила кулак к железной двери, как сразу заметила, что она и не закрыта. Раскрыла и только хотела подать голос, как услышала:

– Мама! Мамочка! Мамочка! Открой глазки!

Паника в крике ребенка заставила пожилую женщину войти в дом. Быстренько скинув сланцы, торопливо пошла на голос Алины. То, что она увидела, заставило ее похолодеть от страха. Оля, добрая и отзывчивая соседка, лежала на полу, а ее дочка тормозила женщину, пытаясь разбудить.

Латрова была без чувств, бедра и низ халата замараны кровью.

Ничего не понимая, Иванова прислонила ладонь ко рту и выдохнула:

– Ох, ты ж миленькая! Что творится, то?!

Наблюдая, что у девочки истерика, а руки в крови, она потянула ее в сторону и как можно спокойнее сказала:

– Алиночка, милая, пойдем ко мне? А я твоей маме помогу, и она придет в себя.

Малышка отрицательно закивала головой и упрямо направилась к маме, желая разбудить ее. Старая женщина, не мешкая, взяла ее на руки и быстрыми шагами пошла к себе, по дороге приговаривая:

– Ну-ну, моя хорошая. Ты пока мультики посмотри, а я хороших тетюшек по телефону вызову, и они ей помогут.

Алина с надеждой посмотрела ей в глаза и спросила:

– Мама будет здорова? Заберет меня? Правда?

– Конечно, а пока посиди у меня. Я сейчас вызову скорую. А там, может, и твой папа придет... – проговорила Людмила Алексеевна, надеясь, что муж Ольги скоро уже придет. Заметив, что девочка нахмурилась, только пожала плечами.

Усадив малышку на диван и включив телевизор, где как раз транслировали детскую передачу, подошла к стационарному телефону и вызвала бригаду скорой помощи, рассказав все, что видела. Наблюдая, что Алина спокойно сидит и смотрит мультик, вновь пошла в дом Латровых.

Оказавшись рядом с лежащей на полу Ольгой, проверила пульс. Почти не прощупывался, но все же. Посмотрела на лицо и, замечая приличного размера синеву на щеке, нахмурилась. На голове ран не было, а вниз она даже боялась смотреть. Темно-коричневые пятна на бедрах ничего хорошего не предвещали.

Поднимать она ее не стала, да и сил не было. Прошлась по дому и, вспомнив, что без документов не примут, тяжело охнула. Случайно обратив внимание на черную сумку на вешалке, которую Оля постоянно брала с собой на улицу, она с облегчением выдохнула. Сняв с крючка, открыла. Обнаружив паспорт во внутреннем кармашке, старая женщина улыбнулась. В обложке был вложен сложенный листок белой бумаги. Развернула и с радостью убедилась, что это копия страхового полиса, а значит, все нормально. Закрыв отдел, повесила сумку на вешалку, и тут же услышала домофон.

Дальше все проходило очень быстро и волнительно. Через несколько минут в комнату вошли две женщины. Высокая женщина в очках и с огромной сумкой в виде чемодана спросила:

– Вы вызывали скорую?

– Да. Она... Ольга без сознания. Не знаю сколько лежит. Услышала, что ребенок плачет, и прошла в дом. Дверь открыта была, – запинаясь, протараторила Иванова.

– Понятно. Показывайте, – проговорила брюнетка в синей рабочей спецодежде, и прошла за пожилой женщиной, а за ней и вторая.

Через пять минут Иванова стучалась в каждую дверь соседей, чтобы попросить мужчин помочь перенести больную до машины. Отозвались сразу, чему Людмила Алексеевна была искренне благодарна.

Когда Ольгу увезли, оповестив, куда именно положат, соседка сидела на стуле, и задумчиво смотрела на стену. Казалось все таким нереальным и страшным, отчего в груди было до невозможности холодно.

Женщина вспоминала, как врачи недовольно хмурились, задавая вопросы. Потом сразу же позвонили в больницу, предупреждая, что привезут женщину в тяжелом состоянии.

Все это время она только выполняла то, что ей говорили, а теперь вот отошла... И стало так страшно за жизнь доброй девочки, всегда готовой помочь всем, таскающей ей пироги да блины.

Когда Иванова могла, ведь она в основном с внучкой сидела, то присматривала за Алиной, ведь молодая мама все делала одна, а муж... только кричал. Вечная ругань мужчины – считалась нормальным климатом в их семье, после того как в квартире появился новорожденный ребенок.

Посидев немного, пожилая женщина пошла в ванную и, найдя тряпку и набрав в ведро немного воды, смыла кровь. Покрывало стянула и простирнула в холодной воде, повесив на вешалку. Она не была брезгливой, поэтому ей было нетрудно, а оставлять такое – не могла.

Потом со спокойной совестью направилась к себе. Не успела войти, как Алина кинулась к ней со словами:

– А мама? А мама где? Тети вылечили маму?

Бабушка погладила по голове милую девочку и сказала:

– Обязательно. Только позже, а пока побудешь у меня. Как папа придет, он сразу же тебя заберет.

Маленькая малышка с огромными карими глазами посмотрела на бабушку и пролепетала, запинаясь в словах:

– Папа будет играть со мной, когда я немножко подрасту. Потом... Он... сильно устает на работе и не может ко мне подойти, чтобы играть.

Старая женщина только кивнула, примерно понимая, что к чему. Ольга никогда ничего не говорила, наоборот, всегда выгораживала мужа, оправдывая, но уста младенца не лгут. Отцу наплевать на своего ребенка, и малышка к этому привыкла.

Улыбнувшись девочке, Людмила воодушевленно предложила:

– Тогда посмотри мультик, а я испеку пирог. Скоро придет Даша, и вы вместе поиграете.

Алина кивнула, но ничего не сказала, молча пошла в зал

и села на диван. Людмила Алексеевна еще долго стояла на входе, наблюдая за малышкой, и вздохнув, побрела в кухню.

Думы ее были о том, что любимая внучка и Алинка одного возраста, но дочь Ольги совсем другая... старше смотрится... серьезнее. И то, что сделало ее такой, совсем не радовало бабушку.

Через три часа женщина вытирала пыль, пока девочки строили башню из кубиков. Услышав, как громко хлопнула дверь в тамбуре, она положила тряпку на комод, и молча, не предупреждая малышей, вышла из квартиры, оставляя приоткрытой дверь.

В тамбуре уже никого не было, и она уверенно направилась к соседям. Ожидая увидеть Владимира, Людмила Алексеевна была не готова к встрече со свекровью Ольги.

Властная, зажиточная женщина, всю жизнь проработавшая главным бухгалтером в разных крупных организациях, насколько знала Иванова, имела склочный характер и отличалась жадностью, бесчувственностью и безграничной наглостью. Латрова в этот момент швыряла вещи во все стороны, выкрикивая проклятья. Как только она заметила гостью, рывкнула:

– Где эта тварь?

– Не знаю о ком вы. Ольгу увезли с кровотечением в больницу.

– Надеюсь, она сдохнет, – ядовито прохрипела Наталья Андреевна, в глазах которой бушевало безумство. – А также

та мерзость, которую она нагуляла. Проклинаю их! И эту... калеку! Проклятушие!

Не желая слушать проклятья, особенно когда они касались детей, женщина проговорила:

– Ольга – хорошая мать и верная жена. А вот ваш сын...

– Она убила его! – закричала Латрова, приближая к ней. – Убила моего мальчика. Вова сел в машину после того, когда эта тварь заявила, что забеременела от другого. Он сам мне сказал! Мы с ним разговаривали. Эта гулящая мразь довела его до смерти! Только она! Ненавижу ее!

– Ольга ни с кем не... – возмутилась Иванова, не представляя такой подлости от соседки. Да и когда ей, когда молодая мать и не спала толком.

– Пошла вон! – закричала Наталья Андреевна. – Убирайся!

Сглотнув, пожилая женщина уверенно посмотрела ей в глаза и ледяным тоном произнесла:

– Мой сын – лучший из лучших адвокат. Прошу выбирать выражения! А Ольга... не виновата и ни с кем не гуляла. Даже не сомневаюсь в этом! А пришла я сюда не для того, чтобы не выслушивать ваши угрозы в адрес невинной женщины и ее ребенка. Понимаю, что вам тяжело. Соболезную. Но желать смерти другим... это гнусно и мерзко.

– Она убила моего сына! – выкрикнула Латрова, даже в таком состоянии понимая, что не стоит грубить этой оборванке. Удивительно, но как только Иванова переехала сюда,

Наталья тотчас дала ей характеристику нищенки, и даже игнорировала приветствия, когда приходила к Владимиру. Но оказывается... у старухи влиятельный сынок.

Разговор отрезвил, возвращая скорбящую мать в действительность. Она еще до конца не осознавала случившееся горе. Выла, гневаясь на злую судьбу, несправедливо забравшую у нее мальчика, когда на свете много никому не нужных тварей, отравляющих жизнь достойным людям, таких как сноха и ее выродок.

– Как я понимаю, внучку забирать не будете? – спросила Иванова, совсем не чувствуя желания успокоить женщину или сказать добрые слова.

– Мне плевать на это отродье. Пусть хоть на улице живет, – скривившись, заявила Латрова.

Старая женщина развернулась, желая уйти, как услышала:

– Через час сюда явится слесарь и поменяет замки, заранее договаривалась. Если желаете, можете забрать их пожитки.

Иванова, не ожидая такой наглости, тут же сказала:

– Я не знаю вещей, и это должна делать сама Ольга.

– Мне плевать. Все сожгу. Это мой дом! Она и ее дочь прописаны в каком-то захолустье, документы на дом только на меня. В обед я разрешила заезжать квартирантам, потому что имею полное право! – процедила она.

Пожилая женщина не выдержала и гневно выдала:

– Бог все видит, и твоя расплата за злой язык и поступки

только началась. Все вернется, будь уверена.

– Не нужно меня пугать! Я сама знаю, что и как! Особенно кто чего заслуживает. Не хотите – не надо. Мне же проще, квартиранты сами ненужное барахло выкинут, – процедила она и пошла в зал.

Женщина стояла несколько секунд, а потом повернулась к вешалке и взяла сумку Ольги. Перед выходом она почувствовала взгляд и повернулась. Увидев наблюдающую Латрову, Людмила буркнула:

– Я приду с внучкой и Алиной, чтобы дочь Ольги показала свои вещи и матери. Надеюсь, вас не будет?

Наталья Андреевна вновь скривила лицо, а потом хмыкнула, громко рывкнув:

– Я не в том состоянии, чтобы смотреть на отродье этой мрази. Даю час, нет, полтора. Надеюсь, все заберете... и ничего лишнего не захватите.

Иванова недовольно насупилась и, буркнув: «Постараемся», открыла дверь и вышла в тамбур, вспоминая, сколько у нее свободных пакетов. Решив, что недостаточно, Людмила Алексеевна позвонила дочери и попросила купить несколько спортивных сумок, объяснив всю ситуацию.

Глава 3

Ольга просыпалась очень тяжело. Тянущая боль внизу, ощущения дискомфорта, пустоты, подавленности неимоверно давили на сознание, выдавая жестокую оценку своего состояния. Латрова знала, что уже просыпалась, помнила отрывками женщину в белом халате, спрашивающую о ее самочувствии, и потом вновь... погружалась во тьму.

Медленно повернула голову вправо и наткнулась на соседнюю кровать, на которой сидела светловолосая девушка в шелковом халатике персикового цвета. Она читала журнал и жевала яблоко, недовольно хмуря нос, и очень громко чавкая.

На вид ей было примерно пятнадцать – шестнадцать лет. Довольно симпатичная, высокая, курносая блондинка. На белоснежном лице красовались миленькие канапушки, а больше всего привлекали взгляд – огромные голубые глаза. Рассматривая страницы, она выговаривала слова: «Очуметь!» или «Капец!», когда чем-то восторгалась или была недовольна.

Латрова попыталась приподняться и тут же почувствовала внизу обильное выделение. Осторожно присела, закрывая на секунду глаза от головной боли, и, приподняв простынь, увидела, что между ног у нее пеленка, пропитанная кровью.

Прикрывшись, поднесла руки к вискам, сильно сдавливая, пытаясь осознать, что потеряла ребенка. Чувство горечи пусть и на небольшом сроке рвало душу. Она хотела малыша... Но не судьба. Боженька решил по-другому.

Всхлипнула и прикрыла рот ладонью, пытаясь взять себя в руки. Мысли одна за одной врывались в сознание, и она резко выдохнула:

– Алина.

Она осторожно опустила ноги вниз, желая встать. Тошнота и легкое головокружение не дали ей этого сделать, отчего она чуть не упала на пол, вовремя схватившись за спинку железной кровати.

– Э-э-э, вы что, женщина?! Вам, наверное, нельзя вставать. Они же тут около вас бегали... и бегали. А вы сразу встаете, – выдала девушка, соскочив с кровати, помогая Ольге присесть. – Я.. это... сейчас медсестре скажу, что вы очнулись. Посидите.

Латрова кивнула и кое-как легла, чувствуя боль в положении сидя. Через пять минут в помещение вошло две женщины. Одна в белом халате, очках, несомненно, гинеколог, а вторая в синей спецодежде держала градусник в руках, который положила на тумбу и ушла.

– Добрый вечер, Ольга. Я – Завольская Елена Петровна, ваш лечащий врач, – спокойным тоном проговорила брюнетка с длинными волосами, подойдя почти вплотную к кровати.

– Здравствуйте, – прохрипела женщина и тут же добавила: – Я... потеряла... малыша. Верно?

Завольская внимательно посмотрела на нее и, кивнув, проговорила:

– Да. Самопроизвольный выкидыш на сроке пять – шесть недель. Сильное кровотечение. Проводим вам общеукрепляющую терапию в сочетании с противовоспалительными и антибактериальными препаратами, которые позволят избежать появления других осложнений. Сейчас я вас посмотрю, а потом будете отдыхать.

После того как врач проверил грудь, живот женщины, спрашивая о ее ощущениях, произнес:

– Хорошо. Теперь отдыхайте. Через три дня УЗИ, а пока сдаете анализы, выполняете назначения и отдыхаете.

– Я... Спасибо, – очень тихо произнесла Латрова и с мольбой спросила: – Скажите, где... где моя дочь? Алина. Она осталась одна.

Завольская нахмурилась и сразу же выдала:

– К сожалению, у меня нет никакой информации о вашей семье. Наверняка она с мужем... или с родными.

– Он... он разбился утром... Больше из родственников никого нет, кто бы мог помочь.

Женщина нахмурилась, понимая всю ситуацию, и уточнила:

– Может, знакомые, соседки? Или она в доме одна? Сколько вашей дочери?

Слезы навернулись на глазах у Ольги, и она даже слова не смогла сказать, лишь отрицательно кивнула, а потом все же прохрипела:

– Два года шесть месяцев.

Елена Петровна нахмурилась и поинтересовалась:

– В вашем доме есть стационарный телефон, чтобы проверить есть ли кто там?

– Да, – с надеждой выдохнула женщина. – Есть. Запишите...

Услышав нужные цифры, Завольская сразу же ввела их в телефон и набрала. Гудки шли, но никто не брал. Гинеколог позвонил несколько раз и, наблюдая панику в глазах матери, успокаивающе сказал:

– Вы не переживайте. Я сейчас проведу обход и вновь позвоню. Полежите. Побольше пейте воды... – женщина посмотрела по сторонам и добавила: – Так, вы же поступили без сознания. Ладно. Я скажу медсестре, и она принесет сладкий чай. В столовой должен был остаться, как и посуда. Отдыхайте. Температуру не забудьте проверить! Я зайду на обратном пути.

Латрова с тревогой смотрела женщине вслед, не зная, что и думать. Она не находила себе места, беспокоясь за свою девочку. А если... приходила свекровь?! Наталья Андреевна так их ненавидела, что даже в такой момент трагедии не упустит возможности унижить и обидеть ее маленькую девочку.

Чем больше думала, тем сильнее беспокоилась, не находя

себе места. Через час гинеколог так и не пришел. Ольга вся издергалась, нервничая и накручивая себя. Все мысли были о дочери. Где она? Что случилось после того, как она потеряла сознание? Кто вызвал бригаду?

Если позвонили в скорую, то кто-то был дома. Дверь она не закрывала, Оля точно помнила. В тамбур могли зайти только те, у кого есть ключи. Либо соседка, либо свекровь, других вариантов нет. Людмила Алексеевна рано утром уходит и, скорее всего, ее уже не было. Значит...

С каждой минутой Латрова все больше убеждалась, что ее малышка находится у злобной мегеры. Она попыталась встать, и только на третий раз ей удалось. Немного постаяв, поняла, что может и ходить, осторожно, держась за что-нибудь.

Внезапно дверь открылась и в комнату вошла медсестра. Осмотрев женщин, она произнесла:

– Латрова, температуру измеряли?

Осознавая, что даже не вспомнила о ней, Оля закусила губу и прохрипела:

– Нормальная. Скажите, а где... Елена Петровна? Она мне обещала... зайти.

Молодая женщина подошла к тумбочке и взяла электронный градусник. Окинув внимательным взглядом все в комнате, повернулась к девушке и проворчала:

– Соринская, перестаньте есть сгущенку банками! С такими анализами и питанием, вас никто отсюда не выпишет.

Хочу напомнить, что у вас – сахарный диабет!

Девушка недовольно насупилась и быстренько спрятала баночку в тумбочку, рассчитывая достать ее, когда вечно надоедливая медсестра уйдет.

«Много они знают! Сгущенка полезна!» – подумала она и отвернулась к стене, надевая наушники и, включая музыку.

Тем временем медсестра подошла к двери и, взглянув на Латрову, проговорила:

– Экстренные роды. Елена Петровна в операционном блоке. Думаю, это надолго. А что вы хотели?

Оля, не желая вновь ждать кого-то, прохрипела:

– Позвонить. Умоляю. Я не знаю с кем моя дочь...

Женщина недовольно насупилась, а потом посмотрела на часы, отмечая, что уже десять часов и кивнув, проговорила:

– Пойдемте к сестринскому посту. Сможете?

Латрова уверено кивнула, зная, что сможет, по-другому нельзя. Вымучено улыбнулась и просипела:

– Вы идите, я сейчас... дойду.

Медсестра кивнула и, сняв чужой халат с крючка на двери, протянула ей и вышла.

Очень медленно двигалась Ольга по коридору, чувствуя необычайную усталость и легкое головокружение. Ноги почему-то тряслись, но нестерпимой боли она не чувствовала. Болезненность внизу живота была, но терпимая.

Добравшись до поста, выдохнула, чувствуя, что вся вспотела. Когда ей дали трубку, женщина облизнула сухие, по-

трескавшиеся губы и дрожащими пальцами стала набирать нужные цифры.

Соседка не отвечала на городской, а сотовым телефоном она не пользовалась, хотя сын ей подарил его прошлым летом. Не могла женщина понять и запомнить, какие кнопки нажимать, о чем всегда жаловалась Латровой. Ольга пыталась еще несколько раз дозвониться, но безрезультатно, поэтому набрала стационарный номер своей квартиры.

Гудки пошли, и сразу же раздался грубый голос:

– Слушаю.

Пытаясь не паниковать, Латрова только на второй секунде выдохнула:

– Скажите, а куда я попала?

– К нам попали, – выдал мужчина, усмехнувшись своему ответу.

– Извините, я звонила на телефон квартиры, где еще вчера проживала.

– Ммм... да? Так мы только несколько часов назад заехали, нам сдали эту квартиру.

Женщина отвернулась от медсестер, поглядывающих на нее, и, уткнувшись лбом в холодную стену, проямлила:

– А девочка, Алина, где она? Моя дочь...

– В доме не было никакой девочки. Чистая квартира. Ни вещей, ничего. Мы заплатили сразу за три месяца, нам дали ключи и все. Ничего тут не было. Извините, – отчеканил новый постоялец и бросил трубку.

Ольга пыталась не паниковать, жадно хватая воздух, чтобы нормально дышать, но не получалось. Взяв себя в руки, она положила трубку, замечая, что женщины на нее не смотрят, и тихо поплелась по коридору.

Глаза ничего не видели из-за слез, и Латрова смахнула их, понимая, что горит. Температура. Оказавшись рядом с палатой, обратила внимание на дверь, ведущую на лестницу, откуда только что вышла женщина, держа в руках несколько постельных комплектов.

Вытерев глаза и выдохнув, Ольга поспешила туда, радуясь, что есть силы. Держась за перила, она двигалась вниз, надеясь, что сможет выйти из здания. Оказавшись на первом этаже, увидела несколько женщин, оживленно разговаривавших между собой, и вновь пошла к лестнице, не зная, как теперь быть.

Всхлипывания так и рвались с трясущегося тела, и она вынуждена была закрыть рот рукой. Повернулась к стене и с надеждой взглянула на пластиковое окно.

Подошла к нему, и раскрыла, считая, что должна спрыгнуть, ведь это единственный выход. Лето, трава... все будет хорошо. По крайней мере, она будет надеяться, что не кирпичи снизу. Кое-как взобралась на него, постоянно прислушиваясь к голосам, и осторожно стала спускаться, держась за дверцу.

Послышался звонкий смех, и Оля резко прыгнула, отчего в стопах ощутила ток, вызывающий боль и желание вскрик-

нуть. Подвернув ногу, оттого что пыталась идти, несмотря на судорогу, потихоньку поплелась вперед, радуясь теплоте вечера. Взглянув на себя, помрачнела, понимая, что одета в больничную ночную рубашку. Хорошо, хоть халат на ней, правда, чужой. Пусть не застегивается, но все же.

Женщина почувствовала себя неудобно, оттого что взяла не свое и обещала себе, что обязательно вернет, как увидит дочь. Это главное.

Выйти из территории больницы не составило труда. Ворота были открыты и прохожие из соседних домов проходили через них.

Иногда на Ольгу бросали заинтересованные, хмурые взгляды, но чаще раздавались смешки и хохот. Ей было все равно, она только укутывалась сильнее, с паникой в глазах поглядывая по сторонам.

Не зная, как доехать до дома, ведь денег не было, тысячу раз прокляла себя за невероятную ситуацию. Мысль, что можно попросить довезти до нужного адреса, а там у соседки попросить, огромной надеждой засела в голове. А если не случится чуда, и ее малышки не будет у Ивановой, то тогда она пойдет к свекрови...

Пока думала, неосторожно подвернула ногу и упала на обочину, приземляясь на траву. Еле как поднялась и тут же отступила, прищурившись от яркого света фар, бьющих в глаза. Прикрыла их рукой, и сквозь пальцы увидела, как огромная машина въехала на площадку около больницы, и

через секунду из нее вышел темноволосый мужчина. Свыше двух метров, мускулистый, широкоплечий и длинноногий. Одет в черные брюки и темно-синюю рубашку. Смуглая обветренная кожа придавала незнакомцу суровый и неприступный вид.

Он пошел к ней, и Ольга застыла на месте, перебарывая в себе страх и желание убежать. Но надежда, что она уприсит водителя помочь, маячила в сознании, хотя вид машины и внешность мужчины не оставляли шансов.

«Зачем ему нужно помогать мне за копейки?»

Вытерев грязной рукой слезы, растерев их по лицу, Ольга с паникой на лице смотрела на незнакомца, приблизившегося к ней.

– Женщина, вам плохо? – произнес он, наклоняясь, чтобы увидеть ее лицо.

– Помогите мне, пожалуйста, – прохрипела Латрова. – Мне... нужно найти дочь. Я... проснулась... в больнице, а она... она... одна...

Последние слова она выдавала совсем тихо, чувствуя, что не может больше говорить. Слезы стояли в глазах, и голос издавал лишь хрипы. Понимая, что выглядит ужасно и, наверное, нормальные люди посчитают ее не здоровой, но ничего не могла поделать. Даже возразить этому не могла. Только всхлипнула и развела руками, умоляя его каждым своим движением и взглядом.

Мужчина нахмурился, а потом проговорил:

– Садитесь в машину.

До конца не осознавая, что ей согласны помочь, Латрова пораженно застыла на месте, не в силах пошевелиться. Высокий крупный мужчина сделал шаг к машине, но, заметив, что женщина дрожит, продолжая стоять, направился к ней.

Почувствовав терпкий, но приятный запах туалетной воды и мужского аромата, Ольги стало не по себе. Она с испуганными глазами смотрела на огромного незнакомца, внимательно следящего за ней, подозревающего в чем-то плохом, что ей стало неудобно и стыдно.

Оля рефлекторно сделала шаг назад, но не удержалась и полетела на землю. Сильные мощные руки подхватили маленькую женщину на руки и понесли к машине. Открыв заднюю дверь, владелец джипа осторожно посадил ее на сиденье и уточнил:

– Все нормально?

Латрова кивнула и как только закрылась дверца, со страхом огляделась по сторонам. Кожаный салон, пропитанный мужским ароматом и ароматизатором с запахом морского прибой, угнетал ее женскую сущность, отчего она прикрыла веки на секунду и вновь распахнула.

Что ее обрадовало и немного успокоило – темноволосая девочка с кудряшками, изумленными карими глазами смотрящая на нее. Совсем худенькая и очень красивая. На вид ей примерно около пяти – шести лет. Малышка улыбнулась Ольге доверчивой улыбкой и сказала:

– Я Вика. А тебя как зовут?

Прочистив сухое горло, женщина еле слышно ответила:

– Очень приятно. Ольга.

– А я...

– Вика, тетя плохо себя чувствует, поэтому посиди спокойно. Ольга, назовите адрес.

Кивнув, Латрова проговорила нужные слова и обняла себя за плечи, пытаясь не дрожать.

– У вас температура, – отчетливо проговорил он, поворачиваясь к ней лицом, когда машина остановилась на ближайшем светофоре.

– Да-а, наверное, – тихо пробубнила она, пытаясь смотреть куда угодно только не на громадного водителя, пугающего ее. Такой тип мужчин всегда заставлял Ольгу остерегаться и обходить их стороной.

Немного погодя, когда они вновь остановились, незнакомец внимательно посмотрел на Латрову, а потом на дочь, и проговорил:

– Вика, я завезу тебя домой, а сам... доставлю... тетю Олю к ее дочери. Хорошо?

– Да, папа, – поспешно согласилась девочка, а потом, понизив голос до шепота, уточнила: – А ты... надолго?

– Посмотрим, – отчеканил отец ребенка, а потом добавил: – Но ты же не одна, так что не переживай.

Виктория вздохнула и отвернулась к окошку, с обидой смотря на проезжающие машины, магазины и остановки. Ко-

гда они подъехали к огромному двухэтажному дому, огражденному кирпичным высоким забором с решетками, где росли небольшие ели, девочка с грустью посмотрела на Ольгу и прошептала:

– До свидания.

– До свидания, – повторила Латрова, сожалея, что большего и не может сказать. Все ее тело охватывала паника за свою малышку, и она могла только повторять, совершенно не вдумываясь в слова.

Жар и неприятное режущее ощущение внизу живота отнимали все силы, и она заставила себя улыбнуться, чувствуя, что ребенку это необходимо.

Мужчина буркнул: «Сидите» и вышел из машины. Он проводил дочь до кованых ворот, где к ним вышла молодая женщина в строгом платье серого цвета и, окинув недовольным взглядом девочку, принялась с усердием что-то говорить, махая руками.

Ее спаситель в ответ произнес несколько слов, и светло-волосая женщина тут же схватила ребенка за руку и повела во двор.

Через несколько минут мужчина сел на переднее сиденье, секунду задержав внимание на пассажирке, и выехал на трассу.

Глава 4

Пытаясь смотреть на дорогу, Ольга неровно дышала, чувствуя себя все хуже и хуже. Мужчина периодически поворачивался, а потом направил машину к обочине и остановил ее. Через минуту водитель открыл дверь с ее стороны и спросил:

– Ольга, вы как?

– Я... чувствую... слабость... и голова... кружится, – пролепетала она, не желая обманывать, прекрасно понимая, что он и так видит ее состояние.

– В больнице оказались по какой причине? – строгим тоном осведомился спаситель, желая знать, что именно происходит с женщиной.

Латрова медленно повернулась к нему и посмотрела в напряженное, изучающее лицо. Сглотнула и еле слышно через секунду произнесла:

– Выкидыш.

– И куда вы собрались в таком состоянии?! – грубо отчеканил он, переживая, что с Ольгой может случиться всякое, вплоть до летального исхода. – Проклятье, нужно было отвезти вас назад, что я сейчас и сделаю.

Женщина мгновенно схватила его за ладонь и трясущейся рукой сжала, выдавив из себя:

– Я не знаю, где моя дочь. Она... совсем маленькая. Муж... муж... разбился, а свекровь ненавидит нас... Моя девочка... одна. Помогите...

Мужчина провел рукой по темным густым волосам и, тяжело выдохнув, предложил:

– Хорошо, сделаем так: едем к вашей дочке, а потом я отвезу вас в больницу.

– А как же Алина? – в панике прохрипела Латрова.

– Не волнуйтесь, придумаем что-нибудь, – пообещал незнакомец, прикидывая в голове возможные варианты дальнейших событий.

– Спа-с-сибо, – пролепетала женщина, обнимая себя за плечи, пытаясь не дрожать. – Вы... вы...

– Олег. Сторхов Олег Константинович. Учтите, если станет хуже, развернемся и направимся в больницу. Без вариантов! Понятно?

Латрова только кивнула, надеясь, что справится. В противном случае она не представляла, что будет дальше, но была уверена в одном – она сойдет с ума от страха за своего ребенка.

Как только они тронулись, Оля вновь впала в ступор, молясь, чтобы ее девочка была у соседки. Пусть свершится чудо, ведь Алиночка совсем маленькая и ни в чем не виновата. Только бы свекровь ее не перехватила... А если так, то она даже не знала, что ожидать. Но в любом случае она найдет свою дочь. Обязательно найдет! Лишь эти мысли тревожили

ее сознание, с каждой секундой порождая безумный страх.

Латрова даже не поняла, как быстро они доехали до ее двора. Вот детская площадка, парковка для машин и знакомые окна. На улице было темно, но свет от фонарей освещал территорию у подъезда.

Дверь с ее стороны открылась, и мужчина осторожно помог женщине спуститься.

– Может, я сам схожу? А вы посидите здесь? – предложил Сторхов, оценивая тяжелое состояние пассажирки.

– Нет... я хочу... увидеть свою дочь... Пожалуйста! – прошипела Ольга, умоляя глазами, крепко сжимая халат на груди, не осознавая этого.

Мужчина недовольно кивнул и без лишних разговоров хотел поднять, как она завертела головой, отодвигая трясущейся рукой его от себя. Показывала, просила, чтобы он не трогал, лихорадочно посматривая по сторонам. Сторхов сердито сжал губы, не понимая, зачем мучиться из-за условностей, когда он может ей помочь.

«Бред!»

Тяжело вздохнул и пошел рядом с Олей, мелкими шагамидвигающейся вперед. Как только они оказались в лифте, Латрова прохрипела:

– Шестой этаж.

Олег нажал на нужную кнопку, и они стали подниматься. Стоило только выйти, как сил у женщины прибавилось в надежде увидеть свою девочку. Она нажала на звонок и вцепи-

лась в подол своего рваного халата, не зная, чего ожидать.

Никто не отвечал, что настораживало и пугало. В голове мгновенно против воли всплывали одна за другой плохие мысли, что она готова была закричать от страха.

Внезапно послышались щелчки замков и ворчание. Спустя секунды, она услышала вопрос:

– Кто?

– Оля. Соседка, – запинаясь, проговорила женщина, уперев руки на железную поверхность двери, с огромным нетерпением ожидая, когда ей откроют и впустят.

– Боже мой! – выдохнула Иванова, распахнув дверь, и, увидев в каком состоянии Латрова, воскликнула: – Родненькая, ты почему здесь?! Еле живехонькая стоишь...

– Алина... Где она? – со слезами на глазах просипела Ольга, придерживаясь за косяк, в надежде не упасть, когда ее доченька, возможно, совсем рядом.

– У меня! У меня, моя хорошая! Ты... Ой, я старая. Прости, Олюшка. Думала, что ты спать еще будешь. Завтра хотела с Алиночкой приехать в больницу к тебе. С сыном договорилась. Я-то сама не знаю куда звонить и что говорить. Прости уж меня, старую, – приговаривала Людмила Алексеевна, украдкой посматривая на высокого, крепкого мужчину в костюме, недовольно посматривавшего на нее.

– Можно... можно к ней? – попросила Латрова дрожащим голосом, понимая, что еле стоит на ногах. Когда сидела, было значительно лучше...

– Ох, да... конечно. Проходи, моя хорошая. Входите! – выдохнула Иванова, проклиная себя за глупость. Наблюдая, как тяжело женщине двигаться, винила только себя. Не позвонила, не успокоила. А все потому, что была уверена, что лишь завтра Олюшка проснется и не до этого ей будет. Хотя, как не до этого, когда дочь неизвестно где.

Оля прошла в коридор и, сняв тапочки, побрела к дочке, двигаясь по стенке. В двери застыла, наблюдая, как ее любимая девочка сидела на разобранном диване в розовой пижаме и прижимала тряпичную куклу к своей груди, которую она ей подарила совсем недавно.

Малышка, чувствуя взгляд жадных материнских глаз, посмотрела в сторону выхода и, увидев маму, закричала:

– Мама! Мама!

Алина спрыгнула с дивана и побежала к ней, хватаясь за халат, за ноги, желая, чтобы мамочка взяла ее на ручки, обняла и больше никуда не уходила. Ольга наклонилась и дрожжащими руками сжала в объятьях свою девочку, всхлипывая от счастья, что с ней все хорошо. Ласково гладила по волосам, целовала в щечки, не в силах сказать и слова. В груди все отяжелело и воздуха не хватало. Прижав руку ко рту, постаралась успокоиться, ведь все хорошо. Проглотив слюну, прошептала:

– Алиночка...

– Мама! Мамочка, а ты не уйдешь? Останешься? Тети вылечили тебя?

– Я... – произнесла женщина, не зная, как сказать, что скоро уйдет. Вновь обняла ее, не в силах налюбоваться своей маленькой девочкой.

– Алина, – раздался громкий приятный голос, и все посмотрели на мужчину, внимательно наблюдающего за происходящим. Он прошел вперед и сев на корточки, спокойным тоном проговорил: – Твоя мама болеет, и сейчас я отвезу ее в больницу. Но ты не расстраивайся, все будет хорошо. Через несколько дней она вновь будет с тобой. Подождешь ее? Ты же хочешь, чтобы твоя мама была здорова?

Девочка кивнула и несмело произнесла:

– А можно мне с ней?

Сторхов сжал губы в одну линию, прекрасно понимая ребенка, и сразу же ответил:

– Маленьких детей туда не пускают, и если бабушка согласится посидеть с тобой...

– Конечно, конечно, – тут же согласилась старая женщина, случайно замечая, что халат Ольги в крови. Она повернулась к мужчине и проговорила: – Вы...

– Олег, – представился Сторхов.

– Баба Люда. Извините, я помогу Олюшке, отойду с ней.

Мужчина нахмурился, отмечая, что молодая женщина совсем плохо выглядит, и проговорил:

– Постарайтесь быстрее. А я... пока девочке все объясню. Вы... сможете посидеть с ребенком? Или...

Иванова закивала головой, показывая, что ей совсем

нетрудно, и осторожно помогла Латровой подняться, уводя в ванную. Включив теплую воду, вручила темное чистое полотенце и проговорила:

– Ты, Олюшка, оботрись, а я... принесу твои вещи. Халат и бельишко. Слава богу, помню, куда все укладывала. Сейчас из сумки в пакет переложу. Подожди немного...

Ольга лишь кивнула, чувствуя неудобство, ведь она совсем ничего уже не чувствовала, лишь хотела отдохнуть, прилечь. Теперь можно. Она знает, что с Алиной все хорошо. Как только Иванова ушла, тяжело вздохнула и намочила полотенце...

Через время в ванную вошла старая женщина и помогла Ольге надеть ночную сорочку и халат, остальное Латрова сделала сама. Она была искренне признательна женщине за пакетик, в котором лежали прокладки и другие гигиенические средства. Особенно за чистое белье.

Перед тем как выйти из ванной комнаты, Ольга прохрипела:

– Спасибо вам огромное! Мне больше не к кому обратиться.

– Олюшка, ты не волнуйся. Мы тут сами, а ты поправляйся. Я там и вещи тебе в больницу собрала. Может, и лишнее, но пусть будет. Телефон с зарядкой. Тарелку, стакан, вилку и ложку. Сама часто там бываю, ты же знаешь, вот и наложила всего. Тогда не до этого было...

– Спасибо, – благодарно выдохнула Оля, а потом посмот-

рела на женщину и прохрипела: – Что-нибудь известно о...

Людмила Алексеевна скривилась, не желая говорить последние новости, которые распространяет ее свекровь, вместо того, чтобы оплакивать смерть сына. Зачем это знать Ольге в ее состоянии? Потом она все ей расскажет... Посмотрела в глаза молодой женщине и выдавила:

– После, моя хорошая. Все обсудим. Ты лечись, и здоровая приезжай.

Ольга кивнула, понимая, соседка что-то утаивает, но допытываться не стала. Чуть погодя долго и сильно сжимала свою девочку в объятьях, а потом потихоньку пошла из дома, не вытирая слез. Ничего не видела, только темные стены. Все казалось таким неточным и куда-то двигалось.

Споткнувшись на ровном месте, чуть не упала, пока не оказалась в сильных руках мужчины. Хотела что-то сказать, но тут же услышала:

– Вы уже не можете идти.

– Я... – прохрипела Латрова, пытаясь ответить, но невыносимая головная боль была с такой силой, что хотелось полной тишины.

Дальнейшее происходило для нее обрывками. Она ощущала запах мужчины, такой окутывающий и пугающий, потом ночной холодный воздух, внезапно охвативший ее дрожащее тело, и свет светильников, бьющий в глаза. Оказавшись в машине, она с облегчением закрыла глаза и провалилась в сон.

Сторхов Олег Константинович на очередном перекрестке повернул голову назад и посмотрел на спящую пассажирку в бирюзовом халатике. Красивая, нежная, добрая и несчастная. Столько неприятностей свалилось на голову бедной женщины, что даже представить себе не мог. Смерть мужа, выкидыш... И после операции она сорвалась искать свою маленькую дочку. Отчаянный глупый поступок, на его взгляд, но он не осуждал, а удивлялся и, возможно, восхищался.

Олег сам воспитывал дочь и ради нее готов на все, но, чтобы сломя голову броситься в неизвестность... Даже не знал, смог бы так. Но тут... скорее женская материнская сущность взяла вверх. Если твой ребенок неизвестно где, это бьет по психике, а когда она нарушена после стресса и операции, ничего удивительного нет.

Вновь тронувшись, он внимательно смотрел по сторонам, желая двигаться быстрее, но в то же время не нарушать правила дорожного движения. С его должностью такое не приветствуется.

Сторхов работал судьей Высшего арбитражного суда. В этой должности уже пять лет. Есть маленькая пятилетняя дочь Виктория. Жену он потерял три года назад. Внезапная сердечная смерть. Основная причина – атеросклеротическое

поражение коронарных артерий. Гуляла с ребенком в парке, когда ей стало плохо. Несмотря на плач и крики ребенка, прохожие не сразу подошли к женщине, лежащей на грязной земле, пытающейся встать. Лишь спустя время, наконец-то вызвали скорую, но Валентина умерла в машине, так и не доехав до больницы.

Олег вздохнул, вспоминая тяжелый этап своей жизни, когда потерял любимого человека. Валя была доброй, нежной, ласковой. Настоящая женщина: заботливая жена и любящая мать.

Валентина никогда не жаловалась на здоровье, а за неделю до трагедии как бы невзначай заметила, что чувствует слабость, быстро утомляется и появилась одышка. Болевых приступов в области сердца не было, поэтому он посчитал, что жена просто устала. В тот момент решил, что нужно съездить отдохнуть. Не принял никаких действий, более того, у него даже мысли не появилось, что нужно бить тревогу.

А потом случилась страшная беда. Ему сообщили о кончине жены, когда он был на работе. Сторхов до сих пор винил себя в ее смерти, считая, что не позаботился о родном человеке. Совершенно ничего не сделал, чтобы предотвратить несчастье и спасти ее.

Их маленькая дочь после потери матери стала замкнутой и перестала разговаривать. Целый год с ней работали лучшие специалисты, и она наконец-то заговорила. Вика сблизилась с людьми редко, только с некоторыми, чувствуя настоящее

тепло.

Молодых женщин, которых он нанимал, чтобы в вечернее время сидели с малышкой, играли и забирали из садика, когда он не может, она не признавала. Закрывала лицо руками и звала его. Со временем смирилась, но ни с кем не общалась.

Когда в их доме периодически стала появляться Наталья, преуспевающий адвокат, женщина с которой он уже год имеет интимные отношения, малышка приняла ее в штыки. И как Круглова не пыталась за это время найти подход к ребенку, Вика, кроме вежливых слов, ничего ей не говорила. Даже подарки не берет, оставляя в стороне, не желая заносить в свою комнату. Сколько он не пытался с ней говорить, дочь говорит, что не хочет общаться с плохой тетей.

Оказавшись у ворот больницы, мужчина остановил джип. Внезапно, против воли, вспомнил момент, когда увидел потерянную женщину, с которой случилась беда, и сжал руль. В то мгновение он даже не размышлял, резко остановил машину, чувствуя, что ей нужна помощь, и оказался прав. И было очень важно ей помочь.

Осторожно поднял Ольгу и понес в приемник скорой помощи. Через пятнадцать минут, после разговора с врачами, ее увезли в палату, откуда она самовольно ушла. Записав палату и данные женщины, мужчина отправился домой. Завтра он обязательно позвонит и узнает о ее самочувствии, а потом поможет, если это будет необходимо. А сейчас... его

ждет маленькая дочка.

Глава 5

Открыв глаза, женщина посмотрела по сторонам. Определив по кроватям и стенам, что она в больнице, облегченно выдохнула. Значит, все хорошо, ей не приснилось, и ее маленькая феечка у соседки – она может не волноваться и спокойно лечиться.

Ольга прикрыла глаза, искренне радуясь доброте чудесной старой женщины, проявившей заботу. Если бы не она... даже страшно представить, чтобы было с Алиной. Но все обошлось. Благодаря ему... Олегу. Мужчина спас ее. Фамилии она, к сожалению, не помнила.

В груди потеплело, и она приложила руку ко рту, пытаясь унять свои чувства. Одна за другой в груди рвались эмоции, и сейчас ей все произошедшее казалось таким нереальным и страшным, о чем лучше не вспоминать. Главное, итог – доченька в безопасности и под присмотром.

Чуть приподнявшись, посмотрела на соседку по палате, лежавшую на спине, вглядывающуюся в потолок. По мимике невозможно было понять в каком она состоянии, только то, что девушка погружена в свои мысли.

Внезапно у Ольги созрела мгновенная мысль о причинах нахождения здесь красивой блондинки. Такая молоденькая... Может, позже она спросит у нее.

Посмотрела на окно и решила, что раннее утро, так как с каждым мгновением становилось чуточку светлее, несмотря на тусклую картину за стеклом. Моросил дождь, и серая мгла окутала купол неба.

Женщина залюбовалась, впервые в жизни внимательно слушая, как падают капли и ударяются об отлив, отчего получалась громкая завораживающая музыка. А если прислушаться... сквозь эти звуки можно услышать и тихую мелодию, такую шуршащую и успокаивающую, отчего моментально хочется укутаться в одеялко и выпить кружечку горячего чая, думая о своем.

Но Латрова просто лежала, а в голове проносились события шестилетней давности, за два года как она познакомилась с мужем. После того как уехала из маленькой деревеньки, когда лишилась родных людей.

Папу она совсем не помнила, он рано умер, когда была ребенком. Мама, Лариса Петровна, была замечательным добрым человеком. Что не скажешь о ее сестре, Валентине, корыстной жадной женщине, считающейся первой сплетницей на селе.

Жили они с матерью отдельно близ центра и горя не знали. Когда бабушке стало совсем худо, полностью парализовало, продали два дома и купили один большой и теплый на окраине деревеньки. Сестра отказалась ухаживать за старой женщиной и брать к себе, крича, что у нее пятеро детей и куча внуков, живущих в одном сгнившем доме. Востриковы

жили плохо и любили выпить, но всегда находили изъяны в других. Особенно в ее матери, работавшей библиотекарем, не приемлющей зависть и жадность, любящей и отзывчивой.

В то время Оля училась в техникуме легкой промышленности в ближайшем городе. Когда узнала о переезде в новый дом, очень хорошо восприняла новость, считая, что мама, да и она, смогут помочь бабушке. А со временем, может, и лучше ей станет. Девушка приезжала на выходные и помогала ухаживать за старой женщиной, как, впрочем, и по хозяйству. Помимо огромного огорода в новом доме, они перевели сюда и свою скотину, определив в сарай. Лестовы всегда держали больше двух коров, несколько свиноматок и сотню кур с утками.

Через некоторое время случилось огромное несчастье. Внезапно у Ларисы Петровны прихватило сердечко, и она умерла. Это было настоящим шоком для ее дочери. Похороны Ольга не помнила, только видела бледное лицо матери с закрытыми глазами и больше ничего. Даже не помнила, как ее уводили из кладбища, откачивая нашатырным спиртом.

А потом... через девять дней тетя выкинула ее из дома, так как он принадлежал бабушке – ветерану ВОВ, которую она взяла под свою опеку. Ни крики селян, ни мольбы племянницы не разжалобили жадных родственников, вторгнувшихся на богатую зажиточную территорию, которая им никогда не светила.

От такого стресса старой женщине стало совсем худо, и в

результате у нее случился инфаркт. Бабушку Ольга увидела лишь на кладбище, домой ее не пустил дядька, во всеуслышание кричавший, что воровке нет места в их доме. Простившись с родным человеком, бедная девушка с копейками в кармане, отправилась в город, чтобы хоть как-то выжить в этом несправедливом мире.

Слезы текли по щекам, но Ольга совсем не ощущала их. Боль утраты, горечь, обида и разочарование больше года ходили с ней за руку, вновь и вновь доказывая, как тяжело выжить, когда один, если нет близких людей, готовых поддержать в любую минуту словом, лаской, дать силы, чтобы бороться и идти дальше.

Благодаря своему терпению и золотым рукам, Ольгу заметила бизнес-леди – Васаркина Александра Игоревна, имеющая салоны по крупным городам России. Увидев отличный потенциал в работнице, она увезла девочку в Москву и устроила работать у себя в салоне пошива штор, и не пожалела об этом ни секунды.

А потом Ольга встретила его... Владимира. Добрый и заботливый мужчина, покоровшей ее с первого мгновения, когда принес маленького котенка и отдал его в руки милой девушке, сидящей на скамеечке и любующейся закатом. Думала, была уверена, что влюбилась. Летала на крыльях счастья, пока не познакомилась со свекровью.

Как открылось потом, муж женился назло своей матери, решив доказать, что он уже взрослый. А дальше... униже-

ния, упреки, с которыми девушка пыталась бороться, но, встречая крики мужа, запретившего ей повышать голос и отвечать на гонения его матери, так как они зависят от нее, смирилась.

Латрова молчала, с ужасом наблюдая, что ее сказка катится в пропасть. Она верила, что это мать влияет на Вову. Муж был совсем другим, когда не виделся с ней, и Оля мечтала, что женщине уже надоест вмешиваться в их жизнь, и она успокоится. И тогда будет у них счастье.

Беременность была для нее подарком. Она очень этого хотела, считая, что ребенок еще больше сблизит их, да и свекровь перестанет травить ее. Даст им жить самостоятельно, не вмешиваясь ни во что.

Муж радовался, считал, что будет сын. Все больше и больше перечил матери, пытаясь защищать жену. А потом Наталья Андреевна подарила ему крутую иномарку, и Владимир вновь сквозь пальцы смотрел на то, как мать травит Ольгу.

Когда Оля ушла с работы в декретный отпуск, возник вопрос с пропиской, так как Васаркина хотела прописать другую девушку... вместо Латровой в квартиру, которую предоставляла своим работницам. Владимир решил возникшую проблему. Принес паспорт с пропиской в глубинке Московской области, объяснив, что у него нет своего жилья, а мама не соглашается ее прописывать.

А потом... она родила свою любимую девочку. Узнала диагноз ребенка на третий день и поведала Владимиру, а на

шестой их выписали. Но муж даже не приехал забрать, позвонив за десять минут и сказав, что мать попросила его отвезти ее в другой город по очень важному делу. Они вернутся только через два дня.

Стоя с малышкой, укутанной в одеялко, которое сшила сама, она чувствовала себя, как никогда, преданной. Даже когда тетка выкинула из дома, не было так больно, как сейчас.

Замечая поникшим взглядом воздушные шары, цветы и радость на лицах ожидающих отцов и их родственников, хотелось немедленно уйти оттуда. Зачем портить радость другим и завидовать... пусть против воли.

Медсестра с жалостью посмотрела на нее, и что-то пробормотав о счастье, ушла. Деньги у нее были, зарабатывала Оля у Васаркиной хорошо, и на всякий случай взяла их в роддом. Заказала такси и отправилась домой.

За время, что жили с мужем после родов, Ольга старалась его понять. Хотелось жить в семье, как все. Семей. Иногда Владимир менялся... по отношению к ней, был тем же добрым и ласковым, и ей верилось в лучшее.

Сейчас она понимала, что глупо все было, но она совсем не знала, как надо правильно. Чего требовать и как этого добиваться. Она всю жизнь видела только мать и бабушку, на чужие семьи старалась не смотреть, чтобы не обижать родных женщин. Молодого человека никогда у нее не было, кроме мужа никого не знала.

Да и что там говорить... не было в ней жесткости, о чем она за шесть лет неоднократно жалела, но не получалось по-другому. Бабушка и мама воспитывали ее в любви, радуясь их нежной девочке, считая, что она обязательно будет счастлива. Ведь к добру все тянутся, а вышло все наоборот...

Решив, что не стоит травить душу, Латрова приподнялась и тут же услышала крик из коридора: «Женщины, на давление!».

Опустила ноги, но голос соседки остановил:

– Не вздумайте! К вам подойдут. Я уверена. Не зря же они всю ночь и вчерашний день бегали около вас.

Оля нахмурилась, пытаясь осознать, что была в бессознательном состоянии столь долгое время, а потом спросила:

– Я не просыпалась за это время?

– Куда уж... Вас уже хотели переводить в реанимацию из-за высокой температуры и кровотечения, но к вечеру после всего, что вам вкололи, лучше стало, и здесь оставили, – проговорила светловолосая девушка, а потом добавила: – Зря сбежали!

Ольга лишь кивнула, совсем не жалея, что совершила столь отчаянный поступок. Понимала, что глупо, но и сейчас бы поступила так же. В произошедшей ситуации остается только радоваться, что ей повезло.

– Ладно, я пойду, а вы лежите, и не вставайте. Они сами к вам прибегут.

Проговорила и, спрыгнув с кровати, пошла на выход. Схватила халат с крючка на двери и рванула из палаты. Оля

осталась сидеть, продолжая смотреть в окно. Через мгновение в комнату вбежала шустрая веселая медсестра с веснушками по всему лицу и курносым носом. Измерив давление и температуру, удовлетворенно буркнула про анализы, а потом ушла.

На обходе через несколько часов Ольга получала нагоняя в мягкой форме от Завольской Елены Петровны, выражающей свое понимание за ребенка и негодование о возможных последствиях ее поступка. На долгую информацию о том, какие беды с ней произошли из-за побега, женщина пообещала долечиться до конца, выполняя все рекомендации.

На следующий вечер Латрова уже ходила, чувствуя себя вполне нормально, и даже приняла душ. УЗИ показало, что у нее все чисто и волноваться нет причин, поэтому женщина с нетерпением ждала выписки, послушно выполняя указания врача и получая необходимое назначенное лечение.

Ближе к семи часам вечера в палату вошла темноволосая женщина полной комплекции и буркнула:

– Латрова, к вам пришли. Сможете спуститься?!

«*Людмила Алексеевна с Алиночкой!*» – мгновенно появилась мысль в голове у Ольги, и она тут же кивнула в предвкушении увидеть свою малышку.

Спускалась по лестнице осторожно, держась за перила, чтобы не упасть. Оказавшись в просторном коридоре, где стояли железные стулья, а чуть дальше пункт передач, женщина огляделась по сторонам. Зал был наполовину заполнен

пациентками больницы и их «гостями», но Иванову с дочерью не увидела. В панике вновь посмотрела по сторонам и тут же со стороны услышала:

– Ольга, добрый вечер.

Женщина подняла взгляд и увидела мощного внушительного мужчину, в котором узнала Олега. Своего спасителя. Она удивленно ахнула и прошептала:

– Добрый... добрый вечер. Простите, я думала...

– Ждали дочь? Людмила Алексеевна просила передать привет и искренние сожаления, что не сможет приехать, так как приболела малость. Но малышка ей не мешает, поэтому просила передать, чтобы вы спокойно лечились и не думали о глупостях, – проговорил он, улыбаясь уголками губ, и Оля кивнула, пытаясь не паниковать, ведь соседка сказала, что все хорошо.

Взглянула на Олега, чувствуя себя некомфортно с таким огромным мужчиной, и попыталась улыбнуться, но никак не выходило.

Сторхов подал ей пакет и выдал:

– Это вам фрукты и... В общем, в палате посмотрите.

– Не стоило... – поспешно произнесла Латрова, с опаской поглядывая на своего спасителя, напоминающего ей огромного хищника.

– Поверьте, я от души. Переживал, – выдал он и, замечая, что женщина сильно нервничает, добавил: – Сразу заехал к вашей соседке, чтобы убедиться, что у них все хорошо, а по-

том к вам.

В глазах Ольги вспыхнуло удивление и искренний интерес. Она сжала рукой ткань халата и прошептала:

– Алиночка... Вы видели мою девочку? Как она?

– Да. Она хочет к маме и с нетерпением ждет, когда она придет домой.

Латрова улыбнулась, не в силах держать бушующую в груди радость от осознания, что малышка ждет ее и с ней все хорошо. Даже внимательный пронзительный взгляд мужчины уже не отталкивал, и она с нежностью в глазах тихо проговорила:

– Спасибо... спасибо вам за все. Вы спасли меня.

Мужчина кивнул и тут же проговорил:

– Я... заберу вас послезавтра. Уточнил у вашего лечащего врача. Елена Петровна заверила, что если анализы будут хорошими, то выпишет вас.

Ольга не знала, что сказать, хотелось отказать, но не могла, потому что у нее не было средств самостоятельно вернуться. Попадать в неприятные ситуации не хотелось, поэтому оставалось одно – согласиться. Она только пригладила волосы и тихо сказала:

– Я даже не знаю, как благодарить вас.

– Ничего не нужно. Мне это ничего не стоило, и я рад, что могу помочь, – резким тоном отчеканил Сторхов, отчего Оля вздрогнула, чувствуя в его голосе силу и некое недовольство, а, возможно, гнетущую боль...

Женщина кивнула и прошептала:

– Спасибо!

– Выздоровливайте и возьмите продукты, – попросил Олег, не предусматривая других вариантов.

Ольга судорожно сжимала пакет, а потом посмотрела в его темно-карие глаза, погружаясь в их темноту. Мужчина не смотрел, он сканировал ее, заглядывая в душу. Пронизывал, отчего она почувствовала себя маленькой напуганной девочкой, неспособной даже лишний раз вздохнуть.

– Я... тогда... пойду. Всего доброго, – проговорил Сторхов, не отводя взгляда, и тут же добавил: – Приеду послезавтра после шести. Уже договорился с врачом.

Ольга только кивнула, и на ватных ногах направилась к заветной двери, подсознательно чувствуя там спасение. Понимала, что глупо себя ведет, но вот было в Олеге что-то, заставляющее ее чувствовать себя добычей. Возможно, потому что огромные мужчины пугали ее. Да и не встречались на ее пути такие, а если и происходило, она избегала контакта, чувствуя страх. Может, и глупо, но это ее восприятие и ничего поделать с ним она не могла.

Уже в палате Латрова долго сидела на кровати, а потом потянула пакет с полки и заглянула внутрь. Яблоки, груши, апельсины, виноград, гранатовый сок и десять клубков пряжи желтого цвета, а также крючок. Пораженно ахнула, осторожно поглаживая нежные нитки.

«Алина так хотела платье, такое же, как я связала со-

седской девочке Миле на заказ. Дочка даже плакала, когда отдала его. Успокоила ее лишь тогда, когда пообещала, что свяжу аналогичное, только ее любимого цвета – желтого», – лихорадочно вспоминала она, неосознанно прижимая пряжу к груди. Разные мысли крутились в голове, но итог приходил один – ее дочь поделилась своим желанием с Олегом, и он купил клубки, чтобы она не скучала в больнице и выполнила свое обещание.

Нежная улыбка блуждала на лице молодой женщины, как только она уселась поудобнее и принялась набирать петли. Латрова совершенно не понимала мотивов мужчины, его доброты, но была благодарна, хотя это и пугало ее.

Но страхи потом, сейчас она с удовольствием вязала платье дочери, уже прикидывая в голове, что хочет, и как это будет выглядеть.

Глава 6

Ольга с волнением шла по коридору, крепко сжимая ручку пакета, где лежали ее вещи. Большая часть фруктов осталась так и нетронутой, поэтому везла их дочери, а остальное – она съела с Соринской Екатериной, любительницей стуженного молока. Как оказалось, девушка попала сюда с внематочной беременностью, но сейчас все хорошо, несмотря на то, что юная девушка пережила операцию.

Латрову выписали еще в два часа дня, но гинеколог, вручив выписку с рекомендациями, уведомил, чтобы она отдыхала, а ровно в семь за ней приедут. Женщина только кивнула, совсем не зная, что сказать в ответ. Ей было неудобно перед врачом, ведь Елена Петровна знала, что она потеряла мужа, а тут ее забирает посторонний мужчина.

Как только часы пробили семь вечера, Ольга пошла на выход. Вещей, кроме халата и ночной сорочки, в тяжелом состоянии она не взяла, но вчера вечером ей в палату принесли пакет, где лежало платье и сменное белье, а также рисунок дочери, где было изображено солнышко и облака.

Оказавшись на улице, Латрова вздрогнула, отмечая прохладную погоду. Посмотрев по сторонам, заметила высокого темноволосого мужчину, разговаривавшего по телефону. Даже со спины она знала, что это Олег.

Вздохнув, направилась ближе, не желая задерживать его. Мужчина тратит на нее свое время, и от этого ей было некомфортно.

Оказавшись на расстоянии метра, она не произнесла ни слова, не желая перебивать и вмешиваться в разговор. Но уже через секунду Сторхов повернулся, чувствуя ее взгляд, продолжая разговаривать:

– Завтра перезвоню. Сейчас занят. Да. Добро.

Закончив разговор, Олег на секунду замолчал, с головы до пят рассматривая напуганную женщину, а потом громко произнес:

– Здравствуйте, Ольга. Как себя чувствуете?

– Здравствуйте. Спасибо. Нормально, – выдохнула Латрова, чувствуя себя неудобно под внимательным тяжелым взглядом внушительного мужчины.

– Отлично. Тогда прошу идти за мной, – выдал Сторхов и, сделав шаг к ней, потянул сумку, в которую мертвой хваткой вцепилась женщина.

– Оля, я хочу помочь. Не желаю вам зла, – недовольно заметил Олег. И как только Латрова ослабила хватку, огромной рукой схватил пакет и, показав в сторону ворот, добавил: – Пойдемте.

Ольга почти бежала за мужчиной, чувствуя себя пугливой крольчихой, но не могла иначе. Она привыкла видеть рядом с собой мужа, а заботу он редко когда проявлял. Поэтому ее смущала такая опека, и она в этом видела подвох. Одергива-

ла себя, считая, что ошибается, но, тем не менее, не могла об этом не думать.

Удивительно, но, оказывается, добрые мужчины встречаются. Ведь по-другому его поступки не объяснишь. Не она же его заинтересовала.

Оказавшись у машины, Сторхов открыл дверцу со стороны переднего пассажира, несмотря на то, что женщина хотела сесть назад. Спорить она не желала, поэтому молча выполнила его пожелание. Определив пакет в салон, Сторхов обошел машину и удобно сел в водительское кресло.

Спустя время, когда они остановились на светофоре, Олег произнес:

– Оля, куда вы с Алиной теперь пойдете?

– Я... вчера позвонила подруге, – прошептала Латрова, вспоминая, как собиралась с духом, чтобы попросить Зинаиду о приюте. – Будем у нее, пока не найду съемную квартиру по доступной цене.

Мужчина нахмурился и, лишь загорелся зеленый сигнал светофора, тронулся, заинтересованно осведомившись:

– Как так получилось, что вы с ребенком прописаны в далекой деревеньке, когда у мужа есть квартира?

– Вы ошибаетесь, у него ничего не было, – уверенно проговорила Оля, надеясь, что Владимир так бы не поступил с ней и дочерью.

– Я не ошибаюсь. Проверял. Просмотрев ЕГРП-выписку, узнал, что у Латрова имеется однокомнатная квартира, ко-

тору ему подарила мать. Согласно завещанию, после его смерти имущество достается матери.

Женщина сглотнула и тихо произнесла:

– То есть мы никак...

– Нет. Свобода завещания ограничена вашим правом на получение обязательной доли в наследстве. Нетрудоспособные члены семьи умершего вне зависимости от содержания завещания получат не менее половины той доли наследства, которая полагалась бы им при наследовании по закону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.